

**ШАРЛЬ
БОДЛЕР**

**ЦВЕТЫ ЗЛА
ПАРИЖСКИЙ СПЛИН**

Санкт-Петербург

ЦВЕТЫ ЗЛА

*Непогрешимому поэту,
Всесильному чародею французской литературы,
Моему дорогому и уважаемому учителю и другу*
ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ

*Как выражение полного преклонения
Посвящаю эти БОЛЕЗНЕННЫЕ ЦВЕТЫ.*

Ш. Б.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Безумье, скарденность, и алчность, и разврат
И душу нам гнетут, и тело разъедают;
Нас угрызения, как пытка, услаждают,
Как насекомые, и жалят и язвят.

Упорен в нас порок, раскаянье — притворно;
За все сторицею себе воздать спеша,
Опять путем греха, смеясь, скользит душа,
Слезами трусости омыв свой путь позорный.

И Демон Трисмегист, баюкая мечту,
На мягком ложе зла наш разум усыпляет;
Он волю, золото души, испепеляет,
И, как столбы паров, бросает в пустоту;

Сам Дьявол нас влечет сетями преступленья
И, смело шествуя среди зловонной тьмы,
Мы к Аду близимся, но даже в бездне мы
Без дрожи ужаса хватаем наслажденья;

Как грудь, поблекшую от грязных ласк, грызет
В вертепе нищенском иной гуляка праздный,
Мы, новых сладостей и новой тайны грязной
Ища, сжимаем плоть, как перезрелый плод;

У нас в мозгу кишит рой демонов безумный,
Как бесконечный клуб змеящихся червей;
Вдохнет ли воздух грудь — уж Смерть клокочет
в ней,
Вливаясь в легкие струей незримо-шумной.

До сей поры кинжал, огонь и горький яд
Еще не вывели багрового узора;
Как по канве, по дням бессилья и позора,
Наш дух растлением до сей поры объят!

Средь чудищ лающих, рыкающих, свистящих,
Средь обезьян, пантер, голодных псов и змей,
Средь хищных коршунов, в зверинце
всех страстей,
Одно ужасней всех: в нем жестов нет грозящих,

Нет криков яростных, но странно слиты в нем
Все иступления, безумства, искушенья;
Оно весь мир отдаст, смеясь, на разрушенье,
Оно поглотит мир одним своим зевком!

То — Скука! — Облаком своей houка одета,
Она, тоскуя, ждет, чтоб эшафот возник.
Скажи, читатель — лжец, мой брат
и мой двойник, —
Ты знал чудовище утонченное это?!

СПЛИН И ИДЕАЛ

I

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Лишь в мир тоскующий верховных сил веленьем
Явился вдруг поэт — не в силах слез унять,
С безумным ужасом, с мольбой, с богохуленьем
Простерла длани в высь его родная мать!

«Родила б лучше я гнездо ехидн презренных,
Чем это чудище смешное... С этих пор
Я проклиная ночь, в огне страстей мгновенных
Во мне зачавшую возмездье за позор!

Лишь мне меж женами печаль и отвращенье
В того, кого люблю, дано судьбой вдохнуть;
О, почему в огонь не смею я швырнуть,
Как страстное письмо, свое же порожденье!

Но я отмщу за все: проклятия небес
Я обращаю на их орудие слепое;
Я искалечу ствол, чтобы на нем исчез
Бесследно мерзкий плод, источенный чумою!»

И, не поняв того, что Высший Рок судил,
И пену ярости глотая в исступленье,
Мать обрела себя на вечное сожженье —
Ей материнский грех костер соорудил!

Длань страшной гарпии: когтистый и кровавый
До сердца самого она проточит путь.

И сердце, полное последних трепетаний,
Как из гнезда — птенца, из груди вырву я,
И брошу прочь, смеясь, чтоб после истязаний
С ним поиграть могла и кошечка моя!»

Тогда в простор небес он длани простирает —
Туда, где Вечный Трон торжественно горит;
Он полчища врагов безумных презирает,
Лучами чистыми и яркими залит:

«Благословен Господь, даруя нам страданья,
Что грешный дух влекут божественной стезей;
Восторг вкушаю я из чаши испытанья,
Как чистый ток вина для тех, кто тверд душой!

Я ведаю, в стране священных легионов,
В селеньях Праведных, где воздыханий нет,
На вечном празднике Небесных Сил и Тронов,
Среди ликующих восседет и поэт!

Страданье — путь один в обитель славы вечной,
Туда, где адских ков, земных скорбей конец;
Из всех веков и царств Вселенной бесконечной
Я для себя сплету мистический венец!

Пред тем венцом — ничто и блеск камней
Пальмиры,
И блеск еще никем не виданных камней,
Пред тем венцом — ничто и перлы, и сапфиры,
Творец, твоей рукой встревоженных морей.

И будет он сплетен из чистого сиянья
Святого очага, горящего в веках,
И смертных всех очей неверное мерцанье
Померкнет перед ним, как отблеск в зеркалах!»

II АЛЬБАТРОС

Чтоб позабавиться в скитаниях унылых,
Скользя над безднами морей, где горечь слез,
Матросы ловят птиц морских ширококрылых,
Их вечных спутников, чье имя альбатрос.

Тогда, на палубе распластанный позорно,
Лазури гордый царь два белые крыла
Влачит беспомощно, неловко и покорно,
Как будто на мели огромных два весла.

Как жалок ты теперь, о странник окрыленный!
Прекрасный — миг назад, ты гадок и смешон!
Тот сует свой чубук в твой клюв окровавленный;
Другой смешит толпу: как ты, хромает он.

Поэт, вот образ твой!.. ты — царь за облаками;
Смеясь над радугой, ты буре вызов шлешь! —
Простертый на земле, освищенный шутами,
Ты исполинских крыл своих не развернешь!

III ПОЛЕТ

Высо́ко над водой, высоко́ над лугами,
Горами, тучами и волнами морей,
Над горней сферой звезд и солнечных лучей
Мой дух, эфирных волн не скован берегами, —

Как обмирающий на гребнях волн пловец,
Мой дух возносится к мирам необозримым;
Восторгом схваченный ничем не выразимым,
Безбрежность бороздит он из конца в конец!

Покинь земной туман нечистый, ядовитый;
Эфиром горних стран очищен и согрет,
Как нектар огненный, впивай небесный свет,
В пространствах без конца таинственно
разлитый.

Отягощенную туманом бытия,
Страну уныния и скорби необъятной
Покинь, чтоб взмахом крыл умчаться
безвозвратно

В поля блаженные, в небесные края!..

Блажен лишь тот, чья мысль, окрылена зарею,
Свободной птицею стремится в небеса, —
Кто внял цветов и трав немые голоса,
Чей дух возносится высоко над землею!

V

Я полюбил нагих веков воспоминанья:
Феб золотил тогда улыбкой изваянья;
Тогда любовники, и дерзки и легки,
Вкушали радости без лжи и без тоски;
Влюбленные лучи им согревали спины,
Вдохнув здоровый дух в искусные машины,
И плодоносная Кибела без числа
Своим возлюбленным сынам дары несла;
Волчица с нежностью заботливо-покорной
Пьянила целый мир своею грудью черной;
Прекрасный, дерзостный и мощный человек
Был признанным царем всего, что создал век, —
Царем невинных дев, рожденных для лобзанья,
Плодов нетронутых, не знавших увяданья!..

Поэт! Когда твой взор захочет встретить вновь
Любовь нагой четы, свободную любовь
Первоначальных дней, перед смятенным взором,
Холодным ужасом, чудовищным позором
Пронизывая грудь, возникнет пред тобой
Уродство жалкое, омытое слезой...

О дряблость тощих тел без формы, жизни,
красок!

О торсы жалкие, достойные лишь масок!..

Вас с детства Пользы бог, как в латы, заковал
В пеленки медные, — согнул и изломал;
Смотрите: ваших жен, как воск, бледны ланиты;
Все ваши девушки пороками повиты:
Болезни и разврат отцов и матерей
У колыбели ждут невинных дочерей!

Мы, извращенные, мы, поздние народы,
Ждем красоты иной, чем в девственные годы:
Пленяют нас тоской изрытые черты,
Печаль красивая и яд больной мечты.
Но музы поздние народов одряхлелых
Шлют резвой юности привет в напевах смелых:
— О Юность чистая, святая навсегда!
Твой взор прозрачнее, чем светлая вода;
Ты оживляешь все в тревоге беззаботной;
Ты — синий небосвод, хор птичек перелетный;
Ты сочетаешь звук веселых голосов,
И ласки жаркие, и аромат цветов!